Matériaux inédits pour la biographie. Tome VIII.

Новые матеріалы по біографіи россійскихъ коронованныхъ особъ, составленные на основаніи заграничныхъ документовъ.

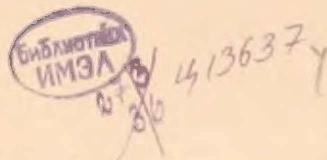
ТОМЪ VIII.

ПАВЕЛЪ I.

Его семейная жизнь, фавориты и убійство.

Сочиненіе Ф. В. КАРАТОВА.

ЛОНДОНЪ.
1902.

Введеніе.

Романовы вступили на русскій престолъ въ 1613 г. — это былъ молодой здоровый родъ, который при нормальныхъ обстоятельствахъ и при болѣе или менѣе правильномъ образѣ жизни долженъ былъ бы оставаться на тронѣ многія столѣтія, но уже въ началѣ XVIII вѣка, т. е. не болѣе какъ черезъ сто лѣтъ — мужскій родъ Романовыхъ вымираетъ и въ настоящее время Россійскій царствующій домъ, оффиціально ведущій свой родъ отъ Романовыхъ, имѣетъ въ своей крови много нѣмецкой, немало простой солдатской, лакейской и всякой другой подобной крови, но почти ни капли чистой Романовской. Какая причина столь страннаго и безотраднаго явленія?

Виной всему этому — прославленный Петръ I, т. н. Великій. Этотъ дикарь, ознакомившись съ западно — европейской цивилизаціей и часто бывавшій заграницей, вынесъ отсюда лишь высокое представленіе о деспотизмѣ и распущенности нравовъ. И то и другое — онъ перенесъ на русскую почву. Деспотизмъ достигъ своего апогея въ указѣ Петра отъ 5 Февраля 1722 г., коимъ „волѣ царствующаго монарха предоставляется по усмотрѣнію назначать себѣ преемника, а также въ случаѣ надобности и отмѣнять таковое назначеніе“.

А распущенность нравовъ дошла до того, что дворцы превратились въ настоящія бордели, царицы пьянствовали съ солдатами, каммердинерами и т. под. сбродомъ по цѣлымъ ночамъ, цари открыто жили со своими любовницами, а любовница Павла I Нелидова была даже въ тѣсныхъ дружескихъ сношеніяхъ съ его законной женой императрицей Маріей Павловной —, царицы держали себѣ оффиціальныхъ любовниковъ, и при дворѣ было придумано особое званіе „пробирщицъ", т. е. женщинъ, на обязанности коихъ лежало испытать мужеспособность будущихъ царицыныхъ любовниковъ, — а незаконнорожденныя дѣти и убійства стояли на очереди какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ царскихъ салонахъ. —

Петръ I скончался, не успѣвъ назначить себѣ преемника, его законный наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Петровичъ умеръ насильственной смертью отъ руки палачей, подосланныхъ Петромъ, и его деспотическому закону о престолонаслѣдіи суждено было вызвать въ Россіи такую массу безурядицъ, наглаго безстыдства и пошлаго разврата въ теченіи всего 18аго столѣтія, что только столь здоровый, молодой и наивный русскій народъ могъ перенести весь этотъ цинизмъ и не возмутиться противъ онаго всеобщимъ возстаніемъ. Къ счастью для Россіи сумашедшій Павелъ въ одинъ изъ своихъ свѣтлыхъ моментовъ поспѣшилъ въ 1797 году измѣнить произвольное престолонаслѣдіе и укрѣпить такимъ образомъ основы русскаго государства.

1.

Павелъ I.

Павелъ I является родоначальникомъ новой русской династіи — династіи Павловичей. По 1856 годъ въ Россіи царствовали его непосредственные преемники: Александръ и Николай Павловичи, а нынѣ царствующій Николай II болѣе чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ живой портретъ своего прадѣда.

Павелъ I родился $\frac{\text{20 Сентября}}{\text{1 Октября}}$ 1754 года. Кто былъ его отцомъ, трудно сказать. При извѣстной влюбчивости и половой раздражительности Екатерины II никто не можетъ поручиться за то, что она жила съ однимъ мущиной. Правда, ея главнымъ любовникомъ за время беременности предъ рожденіемъ Павла былъ камергеръ ея мужа, Сергѣй Салтыковъ, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что подъ вліяніемъ Царицы Елисаветы Петровны и окружавшихъ Петра III царедворцевъ и Петръ III находился въ интимныхъ сношеніяхъ съ своей женой. Петръ III видимо былъ не совсѣмъ безплоденъ, ибо до рожденія Павла Екатерина два раза не донесла плода и родила преждевременно.

Екатерина вполнѣ справедливо опасалась, что ея преждевременные роды могутъ навести ея враговъ изъ придворныхъ Петра на мысль устранить ее отъ трона и поручить дурковатаго Петра III жениться на одной изъ его возлюбленныхъ. Вѣдь два дня спустя послѣ знакомства со своей невѣстой, Петръ безъ всякой застѣнчивости заявилъ ей, что онъ обручился съ ней, только уступая просьбамъ своей тетки-императрицы, но что онъ на самомъ дѣлѣ влюбленъ въ фрейлину Лопухину, на которой собственно и намѣревался жениться, а двѣ недѣли послѣ свадьбы онъ беззастѣнчиво заявляетъ своей женѣ, что фрейлина Карръ куда какъ красивѣе Екатерины и что онъ поэтому влюбленъ въ нее. Впослѣдствіи Петръ считалъ необходимымъ даже щеголять своими супружескими невѣрностями.

Такъ достовѣрно извѣстно, что онъ зачастую приходилъ совершенно пьяный въ спальню Екатерины и еле стоя на ногахъ будилъ ее только для того, чтобы сообщить ей о какихъ либо новыхъ своихъ похожденіяхъ, о преимуществахъ и красотѣ той или другой своей новой фаворитки и, разстроивъ и отколотивъ свою жену, ложился преспокойно въ свою кровать и моментально засыпалъ въ самомъ игривомъ настроеніи духа. Французскій посланникъ Breteuil доноситъ въ 1762 г. своему двору, что Петръ III будучи наслѣдникомъ прямо таки угрожалъ Екатеринѣ, что онъ поступитъ съ нею, какъ Петръ I съ своей женой, т. е. пострижетъ и упрячетъ ее.

Екатерина такимъ образомъ должна была серьезно

опасаться за свою шкуру, и что на нее могло зло обрушиться чрезъ это несчастное стеченіе обстоятельствъ, видно изъ указа Елизаветы, напечатаннаго въ знаменитомъ сочиненіи Бильбасова: „Исторія Екатерины II“. Указъ этотъ гласитъ: „Великая княгиня, которую мы призвали быть достойной супругой нашего возлюбленнаго племянника великаго князя наслѣдника цесаревича Петра Федоровича осчастливлена этою нашей царскою щедротой только въ видахъ того, что ея Высочество съумѣетъ повліять своимъ умомъ и высокими душевными качествами на его императорское Высочество и привяжетъ тѣмъ къ себѣ сердце августѣйшаго супруга своего, дорогому намъ отечеству подаритъ православнаго наслѣдника, нашему же Императорскому дому достойнаго преемника. Но такъ какъ сіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если бракъ ихъ высочествъ покоится на основахъ взаимной искренней любви и супружескаго согласія и для этого ея высочеству необходимо проявлять полное подчиненіе характеру ея супруга, то и надѣемся мы, что великая княгиня сознаетъ, что отъ этого зависитъ ея же счастіе и благополучіе и, слѣдуя этому сознанію, проявитъ всевозможныя любезности и старанія для достиженія этой высокой цѣли.“ Поистинѣ удивительный документъ, въ высшей степени характерный для придворныхъ русскихъ нравовъ минувшаго столѣтія!

Итакъ Екатеринѣ было довольно ясно сказано, что ея же счастіе и благополучіе зависятъ отъ рожденія великаго князя, православнаго наслѣдника. Но какъ быть? Какъ

родить, когда мужъ ея не живетъ съ нею, венерически боленъ и по всей вѣроятности начинаетъ страдать полной импотенціемъ? Нужно было позаботиться о замѣстителѣ, распустить слухъ объ импотенціи Петра, якобы излечить его и такимъ образомъ по рожденіи сына увѣрить его, что новорожденный его кровь и плоть.

Вслѣдствіе вышеупомянутаго указа Екатерина стала бдительнѣе и внимательнѣе къ своему мужу, она старалась доказать, что не она виновна въ бездѣтности ея брака, и прямо заявляетъ, что „если бы онъ хотѣлъ быть любимымъ, для нея это не представляло бы особаго труда", но Петръ остается по прежнему равнодушнымъ къ своей женѣ. Приставленная въ качествѣ надзирательницы къ Екатеринѣ госпожа Щоглокова должна была доложить Императрицѣ Елизаветѣ, что безъ посторонней помощи могущественная Россія останется безъ наслѣдника. Елизавета стала отнюдь опасаться за тронъ, зная, что умная и честолюбивая Цербстка слишкомъ вѣритъ въ свою звѣзду и не остановится ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей. Она поэтому сначала соглашается на хирургическую операцію ея преемника, якобы для устраненія его безплодности, — т. е. она подается на явный обманъ, хотя она хорошо знаетъ, что Екатерина уже беременна отъ интимнаго сожительства съ камергеромъ наслѣдника Цесаревича, Сергѣемъ Салтыковымъ. А затѣмъ она втайнѣ соглашается со связью ея племянницы съ Салтыковымъ, такъ какъ вся цѣль была дать Россіи законнаго наслѣдника.

Мы не должны поэтому удивляться тому, что она вполнѣ равнодушно выслушала докладъ своего канцлера Бестужева о предстоящемъ разрѣшеніи отъ бремени Екатерины, и когда Бестужевъ безъ всякихъ обиняковъ сталъ говорить о необходимости признать законность этого ребенка, такъ какъ этого требуетъ и государственная мудрость и опытность, и указывать на то, что какъ Екатерина, такъ и замѣститель (? замѣстители) Петра скорѣе заслуживаетъ благодарность, нежели кару, такъ какъ они обезпечиваютъ монархіи въ грядущемъ строгій порядокъ въ престолонаслѣдіи, а это повлечетъ къ внутреннему миру — Елизавета не стала вдаваться въ разборъ этой маккіавелистической теоріи канцлера и 20 Сентября (1 Октября) 1754 съ большимъ торжествомъ праздновала рожденіе великаго князя Павла, родоначальника нынѣ царствующей династіи Павловичей, — одного отца у него во всякомъ случаѣ не было и фамиліи самостоятельной новый родъ не имѣетъ; приходится назвать его именемъ его настоящаго основателя. —

О рожденіи Павла существуетъ въ Россіи еще и другое преданіе. Какъ мы ниже увидимъ, Екатеринѣ не показали младенца, а немедленно послѣ родовъ Елизавета унесла его въ свои покои, а роженницу оставили безъ всякаго присмотра. Отсюда и появилось преданіе о томъ, что рожденный младенецъ не былъ мальчикомъ, а дѣвочкой. По рожденіи дѣвочки, придворные унесли ее, а Елизавета, у которой на всякій случай находился младенецъ мужскаго рода киргизскаго происхожденія

въ запасѣ, объявила сего послѣдняго будущимъ преемникомъ престола.

Намъ однако кажется эта легенда весьма неправдоподобной. Вѣдь нужно было народу доказать только мужеспособность Петра III — больше ничего. Былъ ли этотъ плодъ Наслѣдника мужскаго или женскаго рода, это вѣдь было на первый разъ безразлично и не зачѣмъ было бы прибѣгать къ чужимъ дѣтямъ — и къ тому еще дѣтямъ столь низкаго происхожденія, — чтобы посадить ихъ на русскій тронъ.

Одинаково несправедливымъ кажется намъ мнѣніе многихъ изслѣдователей, что Павелъ I — прямой сынъ Салтыковыхъ и что нынѣ царствующая русская династія — династія Салтыкова. Характеръ Павла I, какъ мы ниже увидимъ — настолько походитъ на характеръ Петра III, что по теоріи наслѣдственности въ Павлѣ должно было течь не мало своеобразной крови его полуумнаго отца.

Однимъ словомъ Павелъ I — плодъ нѣсколькихъ отцовъ, но сынъ Екатерины. Онъ положилъ основаніе новому мужскому поколѣнію — и это поколѣніе Павловичей.

Происхожденіе Павла отъ нѣсколькихъ отцовъ и подпаденіе его подъ рубрику выблядковъ, никогда впрочемъ не было тайной въ Россіи.

Такъ извѣстный Кользонъ разсказываетъ въ своей книгѣ „De la Pologne et des cabinets du Nord“, какъ это было сообщено сыну Павла — Николаю I.

Въ числѣ Декабристовъ, стремившихся устранить отъ правленія Николая, находился нѣкій полковникъ Муравьевъ. Его арестовали главнымъ образомъ для того, чтобы чрезъ него узнать имена многихъ важныхъ заговорщиковъ, и Николай принялъ его въ особой аудіенціи съ глазу на глазъ. На этой аудіенціи Николай обѣщалъ Муравьеву полное помилованіе, если онъ выдастъ своихъ соучастниковъ, и прибавилъ при этомъ: „Я твой властелинъ, обѣщаю тебѣ это торжественно.“ „Что,“ воскликнулъ обезумѣвшій Муравьевъ: „ты мой властелинъ? Ты сынъ выблядка!“ — Императоръ до того разгнѣвался, что набросился на скованнаго по рукамъ и ногамъ Муравьева и сталъ его безпощадно бить кулаками и ногами, но Муравьевъ продолжалъ: „Трусъ! Ты и вся твоя порода не Романовы!“ На Николая нашло настоящее изступленіе, и неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы истязаніе Муравьева, если бы находившійся за ширмами генералъ Бенкендорфъ не поспѣшилъ увести его. —

2.

Дѣтство и воспитаніе Павла I.

Дѣтство Павла прошло весьма печально, а воспитаніе его было еще того хуже. Немедленно послѣ родовъ Елизавета забрала его къ себѣ, такъ какъ, по ея мнѣнію, она имѣла гораздо болѣе правъ на него, чѣмъ его мать, ибо безъ ея согласія ему бы никогда не быть признаннымъ законнорожденнымъ. На Екатерину не обращали не только никакого вниманія, но обращеніе съ нею походило на полное отвращеніе. Ее оставили безъ всякаго присмотра въ постели и, какъ она сама утверждаетъ, она все время плакала и стонала, а въ городѣ и во всемъ государствѣ ликовали. И дѣйствительно, едва ли рожденіе какого либо иного европейскаго принца праздновалось болѣе шумно и продолжительно. Цѣлый годъ продолжались балы и маскарады, то при дворѣ, то на дому у высшихъ сановниковъ. Фаворитъ Елизаветы И. Шуваловъ устроилъ костюмированный балъ съ небывалой иллюминаціей; на этомъ балѣ маски мѣнялись и онъ продолжался цѣлыхъ двое сутокъ . . .

И все это насчетъ бѣднаго отягощеннаго народа! Поистинѣ терпѣливъ русскій народъ!

Итакъ у Екатерины отняли ея ребенка, и она сама боялась просить его и спрашивать о немъ. Хитрая Екатерина хорошо понимала, что всякое заботливое вниманіе съ ея стороны къ сыну могло быть истолковано въ обратномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ недовѣрія ея къ Елизаветѣ. Только чрезъ 40 дней послѣ родовъ Екатеринѣ дали посмотрѣть и то только вскользь на Павла.

Что же касается Петра, оффиціальнаго отца Павла, то онъ о своемъ сынѣ совершенно не заботился. Этотъ вѣчно пьяный и занятый играми со своими лакеями полуидіотъ не могъ возвыситься даже до макавеллистической теоріи о династіи; его Россія лишь настолько интересовала, насколько она ему доставляла средства на его попойки и кутежи, а на самомъ дѣлѣ онъ предпочелъ бы жить въ своей Гольштиніи капраломъ своего идеала Фридриха II Прусскаго.

На Павла онъ перенесъ всю свою антипатію къ Екатеринѣ, конфисковалъ въ свою казну сумму въ 120 000 рублей, назначенную Императрицей Елизаветой для Павла, держалъ его какъ и мать его вдали отъ своего двора и имѣлъ въ виду лишить его права на престолъ.

Съ тѣмъ большей ревностью и тѣмъ большимъ вниманіемъ посвятила себя Павлу Императрица Елизавета. Тѣмъ, что она согласилась признать его законность, она пріобрѣла на него всѣ права и смотрѣла на него, какъ будто онъ былъ ея собственная кровь и плоть. Ее при-

тягивало къ Павлу его невинность, которой при ея дворѣ и съ фонаремъ въ рукахъ среди бѣла дня нельзя было найти и она дрожала за всякое его движеніе.

Къ несчастью для Павла эта любовь была лишь чисто — животная и отразилась на всемъ его тѣлосложеніи и здоровьи.

Сама Екатерина разсказываетъ, что Елизавета помѣстила Павла въ своихъ покояхъ и на каждый его крикъ немедленно сама появлялась. Павелъ былъ помѣщенъ въ очень теплой комнатѣ, лежалъ въ люлькѣ, обитой мѣхомъ черной лисицы, закутанный въ фланель, покрытый атласнымъ покрываломъ на ватѣ, а надъ этимъ покрываломъ въ свою очередь находилось другое розовое мѣховое бархатное покрывало. Неудивительно, что Павелъ I подъ этимъ прикрытіемъ постоянно потѣлъ — и эта странная заботливость отразилась на младенцѣ такъ, что онъ впослѣдствіи уже въ отроческомъ возрастѣ при малѣйшемъ вѣтрѣ простуживался и хворалъ.

Еще хуже было то, что его окружили многочисленными нянькамн и бабками, которыя извратили мальчика не только физически, но и нравственно.

У семи нянекъ дитя безъ глазу, говоритъ русская пословица. Такъ и вышло съ воспитаніемъ Павла I. Это былъ болѣзненный слабый мальчикъ, и если его физическое воспитаніе стояло ниже всякой критики, то его нравственное и умственное было совѣмъ омерзительное.

6ти лѣтъ его уже взяли въ оперу, гдѣ давались французская трагедія „Митридатъ“ и балетъ, и шести лѣтъ

онъ сидѣлъ за придворными обѣдами и принималъ иностранныхъ посланниковъ въ особыхъ аудіенціяхъ!

Но ужасомъ преисполняется душа всякаго русскаго патріота при извѣстіяхъ о тѣхъ положительно искусственныхъ усиліяхъ испортить воображеніе отрока чтеніемъ безнравственныхъ книгъ, сладкими и чрезмѣрными яствами, зрѣлищемъ безнравственныхъ пьесъ, а главное безстыдными бесѣдами и разговорами въ присутствіи ребенка. Рано, очень рано стремились направить Павла на путь порока и разврата!

Павлу позволялось читать все безъ разбору, и такъ какъ его научное образованіе было совершенно ложное и при изученіи „права и подобныхъ государственныхъ наукъ“ онъ лишь скучалъ, то онъ съ тѣмъ большею страстью предавался чтенію книгъ, раздражающихъ половую и нервную систему.

Такъ ему давали читать Gil Blas, на любовныхъ сценахъ останавливали его особенное вниманіе, и о пьесахъ, которыя давались въ его присутствіи, уже можно судить по однимъ ихъ заглавіямъ. Вотъ ихъ заглавія: la coquette punie, la coquette fixée, l'été des coquettes, la jalousie villageoise, le coureur galant, la fête de l'amour, le jeu de l'amour et du hasard, le rendes vous, l'épous sour supercherie и т. под.

Неправдали это настоящія пьесы для ребенка, которому еще не исполнилось десяти лѣтъ!

Павелъ былъ очень впечатлительный мальчикъ; неудивительно поэтому, что подобнаго рода пьесы и книги

разгорячили его воображеніе и очень рано пробудили въ немъ неопредѣленныя чувства и страстныя желанія похоти, а его окружающимъ и придворнымъ доставило это искусственное половое раздраженіе невиннаго ребенка особое удовольствіе.

Испорченные до мозга костей развратники раздражались наивнымъ возбужденіемъ мальчика, и старая блудница Екатерина сама вызывала похотливыя чувства въ своемъ сынѣ. Такъ, будучи разъ вмѣстѣ съ нимъ въ Смольномъ монастырѣ, она шутя спросила мальчика — Наслѣдника, не хочетъ ли онъ поселиться среди этихъ дѣвушекъ, а въ театрѣ она желаетъ знать, какая изъ актрисъ ему болѣе нравится, а затѣмъ, какая изъ ея фрейлинъ.

Хороши шутки — нечего сказать!

Извѣстно, что сластолюбцы чувствуютъ особое наслажденіе въ развращеніи и растлѣваніи невинныхъ дѣтей. Итакъ мы видимъ, что фаворитъ Екатерины гр. Григорій Орловъ, мечтавшій о возведеніи на престолъ сына своего Бобринскаго съ Екатериной, предлагаетъ Павлу посѣщать фрейлинъ ея Величества, жившихъ во дворцѣ, а фрейлины въ свою очередь были выучены — да ихъ впрочемъ едва ли надо было научать — вліять въ указанномъ смыслѣ на молодаго великаго князя. Когда Павелъ высказалъ опасеніе, что мать разсердится, Екатерина восторженно разрѣшаетъ ему это. И вотъ онъ отправляется къ фрейлинамъ; лицо его возбужденно сіяетъ, его сопровождаютъ его воспитатель Панинъ и гр. Орловъ. Они посѣтили всѣхъ фрейлинъ — иную онъ позволилъ себѣ пощупать, инымъ онъ пожималъ страстно руки — и когда онъ вернулся въ свои покои, онъ разлегся на диванѣ, предаваясь сладкимъ мечтамъ о запрещенной любви и изучая все сказанное о словѣ „amour“ въ энциклопедическомъ словарѣ.

Понятно, что визиты не ограничились однимъ этимъ разомъ и повторялись затѣмъ безъ всякихъ провожатыхъ . . .

Но на что былъ способенъ 12 лѣтній мальчикъ, физически едва развитый? Конечно, серьезныхъ послѣдствій его похожденія имѣть не могли, ими только имѣлось въ виду вызвать раннее пробужденіе страстей въ мальчикѣ.

Эти неопредѣленныя чувства перешли наконецъ въ настоящую любовь, и 12 лѣтній Павелъ имѣлъ уже довольно ясныя понятія о любви и о томъ, въ чемъ она выражалась. Да, онъ зналъ, что мужья надуваютъ своихъ женъ и что замужнія женщины принимаютъ у себя по ночамъ чужихъ мущинъ, холостыхъ и женатыхъ, 12 лѣтъ онъ былъ посвященъ во всѣ тайники законной и запрещенной любви. Въ 1765 году дали ему разыграть цѣлую исторію дѣтской любви съ фрейлиной Вѣрой Щоглоковой, дочери той Щоглоковой, которая въ свое время была назначена въ надзирательницы къ Екатеринѣ — Онанизмъ воображенія былъ готовъ . . .

Но достопочтенная матушка Россіи и ея достопочтенный любовникъ съ нетерпѣніемъ ожидали момента, когда ихъ воспитанникъ пойдетъ по ихъ пути, и вотъ

Екатерина подъ предлогомъ испытанія мужеспособности Павла сводитъ его въ 1768 году, т. е. когда ему только исполнилось 14 лѣтъ, съ женщиной и восторгъ ея не знаетъ предѣловъ, когда отъ этого мальчика рождается сынъ.

Все это можетъ показаться неправдоподобнымъ, до того это сводничество противно всѣмъ человѣческимъ законамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ въ Россіи, такъ и заграницей сохранилось не только имя женщины, отдавшейся на совершеніе преступленія, но и преступнаго плода.

Женщина, которая растлѣла 14 лѣтняго мальчика, называлась Софіей Чарторыйской и находилась на 22омъ году своей жизни. Эта Софія Чарторыйская была то, что въ прошломъ столѣтіи называлось une petite maitresse, но она была изъ очень хорошей семьи; ея отецъ былъ сенаторомъ, и она была замужемъ за флигель-адъютантомъ Петра III Михаиломъ Чарторыйскимъ. Послѣ смерти мужа она еще, очень молодая женщина, переиспытала по обычаю женщинъ Екатеринскаго двора многихъ мущинъ, и наконецъ Екатерина свела ее со своимъ 14 лѣтнимъ сыномъ. Плодомъ этого сожительства былъ мальчикъ, котораго назвали Семеномъ Великимъ и который жилъ до 8 лѣтняго возраста въ покояхъ Екатерины, гдѣ она его всѣмъ показывала какъ молодцоватый плодъ ея ребенка, результатъ мужескихъ силъ Павла. Семенъ Великій впрочемъ, какъ и всѣ выблядки отъ высокопоставленныхъ лицъ, умеръ въ молодости отъ злоупотребленія половыми органами.

Чарторыйская же вышла замужъ за Графа Петра Разумовскаго, котораго Павелъ I по восшествіи на престолъ и въ благодарность за ночи, проведенныя съ его невѣстой, произвелъ въ сенаторы и д. т. совѣтники . . .

Убѣдившись такимъ образомъ въ мужескихъ силахъ Павла, Екатерина стала серьезно подумывать о сочетаніи его законнымъ бракомъ.

3.

Бобринскій, первый врагъ Павла, заговоръ противъ Екатерины, Разумовскій, смерть Наталіи.

Екатерина никогда не долюбливала своего сына Павла. Этимъ и объясняется то безалаберное воспитаніе, какое ему было дано.

Екатерина увѣряла въ манифестѣ, изданномъ по восшествіи ея на престолъ, что Петръ намѣревался лишить ея сына Павла права на престолъ, а ее заточить въ монастырь, — а она сама?

Развѣ она не самоправно захватила тронъ своего сына? Вѣдь по убіеніи Петра III она могла провозгласить себя лишь регентшей, а не самодержавной правительницей — и она не только засѣла на тронѣ, но даже имѣла въ виду сочетаться бракомъ съ Орловымъ, Павла лишить трона и усыновить своего незаконнорожденнаго сына, прижитаго съ Орловымъ еще при жизни Петра и родившагося 18 Апрѣля 1762 г., за два мѣсяца до насильственнаго устраненія Петра III отъ правленія.

И все именно изъ-за боязни, что ея сынъ Павелъ, выросшій и наученный ея врагами, потребуетъ отъ нея своего трона, она старалась рано возбудить въ немъ половыя желанія, разстроить его нервную систему и сдѣлать его рабомъ своихъ страстей. И это ей удалось сверхъ ея ожиданія чрезвычайно хорошо.

Павлу еще не исполнилось 8 лѣтъ, когда мать его родила отъ связи съ Гр. Орловымъ его соперника въ лицѣ мальчика Василія, названнаго впослѣдствіи гр. Бобринскимъ. —

Послѣ Салтыкова и Понятовскаго любовниками Екатерины сдѣлались при жизни Петра Григорій и Алексѣй Орловы, дѣлившіеся въ нѣжностяхъ вѣнценосной метрессы.

Григорію отдавалось предпочтеніе, и въ родившемся Василіи текло больше его крови, чѣмъ крови его брата Алексѣя. Когда Петръ былъ умерщвленъ и Екатерина съ помощью своихъ клевретовъ провозгласила себя Самодержицей всея Россіи, Григорій Орловъ сталъ ея оффиціальнымъ любовникомъ, возсѣдавшимъ у трона. Но честолюбивому Орлову этого было мало. Ему хотѣлось „узаконить свой преступный бракъ предъ святымъ алтаремъ“ и занять положеніе принца-супруга. Этого ему, конечно, не удалось достигнуть, и особенно противудѣйствовалъ этому плану гр. Панинъ, руководившій воспитаніемъ наслѣдника Цесаревича.

Тогда Орловъ сталъ требовать, чтобы по крайней мѣрѣ корона и тронъ были обезпечены за отпрыскомъ Орловыхъ, вышеупомянутымъ Василіемъ, — для чего

Павла слѣдовало лишить всѣхъ данныхъ ему Елизаветою правъ. И вотъ Орловъ всѣми мѣрами старался сѣять раздоръ между Екатериною и Павломъ и отчуждать ея сердце отъ ея первенца. Такимъ образомъ для Павла настало весьма неблагопріятное время. Къ несчастію, Великій князь былъ такъ воспитанъ, что онъ ничѣмъ серьезнымъ не интересовался, въ особенности же онъ не любилъ государственныхъ наукъ, а предпочиталъ сидѣть въ уборныхъ фрейлинъ своей матери. Орловъ и его сподвижникъ Тепловъ стали увѣрять Екатерину, что ея Павелъ неспособный мальчуганъ, похожій на полуумнаго Петра, котораго поэтому надо устранить отъ трона и назначить другаго наслѣдникомъ. Указъ Петра I де не представляетъ препятствій, а напротивъ былъ въ полной силѣ и примѣнить его на сей разъ весьма удобно.

Вотъ отсюда и пошла придворная борьба, въ которой Екатерина пока еще принимала участіе лишь простаго зрителя, а Павла продолжали коверкать. А вѣдь, если подумать серьезно, то Павелъ былъ въ дѣтствѣ премилый характеръ, со всѣми задатками будущаго хорошаго человѣка: Онъ былъ уменъ, откровененъ, добродушенъ, прилеженъ, старателенъ, а дурное воспитаніе сдѣлали изъ него хитраго, замкнутаго, мрачнаго, строгаго и деспотическаго человѣка, раннее же половое раздраженіе разстроило настолько его нервную систему, что когда онъ вступилъ на престолъ, онъ былъ уже полусумашедшій, а послѣ того какъ искалъ власти, онъ превратился въ

сумашедшаго деспота, и его постигаетъ участь, подобная участи его полуумнаго отца Петра III . . .

Но при всемъ томъ Екатерина не могла согласиться на шагъ, который рекомендовалъ ей ея возлюбленный. Она не могла рѣшиться предъ лицомъ всего русскаго народа или вѣрнѣе всего міра признать себя вѣроломной женой и назначить себѣ своимъ преемникомъ незаконнорожденнаго сына, прижитаго при жизни ея мужа. Она во всякомъ случаѣ была настолько проницательна, чтобы понять, что подобнаго рода шагъ могъ бы ей стоить трона: она поэтому не поддалась науськиваніямъ Орлова, а стремилась поскорѣе женить Павла, чтобы въ случаѣ нужды признать Наслѣдникомъ своего внука . . .

Что же касается Василія Григорьевича, получившаго имя Гр. Бобринскаго, то онъ получилъ весьма тщательное воспитаніе. Екатерина отдала его на воспитаніе въ кадетскій корпусъ, подарила ему милліонъ рублей и послала его для дальнѣйшаго воспитанія заграницу. Сначала онъ жилъ въ Вѣнѣ, гдѣ его счелъ нужнымъ принять Австрійскій Императоръ и гдѣ въ его честь устроены были торжественные балы и обѣды.

Это для выблядка только потому, что онъ былъ сыномъ царской блудницы. Затѣмъ онъ жилъ въ Италіи, Франціи и Англіи, но велъ себя всюду весьма скандально, и особенно въ Парижѣ онъ не стѣсняясь называлъ себя сыномъ Екатерины, надѣлалъ массу долговъ, такъ что „тятан“ поспѣшила вытребовать негоднаго шалопая обратно въ Россію и поселила его въ Ревелѣ. О его назначеніи

наслѣдникомъ русскаго престола больше и помину не было . . .

Итакъ, Павла Петровича нужно было женить прежде чѣмъ онъ самъ избралъ бы себѣ въ жены какую-нибудь придворную даму. Екатерина рѣшила при этомъ ввести новую систему — систему бракосочетанія наслѣдныхъ великихъ князей съ иностранными принцессами: изъ этого она хотѣла отчасти извлечь выгоды для страны, отчасти же и для безопасности.

Павелъ, конечно, не былъ спрошенъ. При дворахъ сердце не играетъ никакой роли въ дѣлѣ любви; тутъ все гешефтъ: и даже религія смѣняется безъ дальнѣйшихъ церемоній, и новокрещенныя громогласно повторяютъ и посягаютъ на то, во что онѣ не вѣрятъ и вѣрить не могутъ.

Посланникъ Ассебургъ былъ высланъ въ Европу для заключенія этого гешефта. Онъ оказался прекраснымъ мошенникомъ, угодилъ и нашимъ и вашимъ, а болѣе всего и себѣ самому.

По совѣту Фридриха Великаго онъ обратилъ вниманіе Екатерины на трехъ дочерей Гессенъ-Дармштадскаго Ландграфа, Екатерина пригласила Ландграфиню вмѣстѣ съ ея дочерьми въ Петербургъ. Выборъ ея палъ на принцессу Вильгельмину, которая ей казалась простой, тщеславной и потому наименѣе безопасной. Принцесса Вильгельмина, родившаяся $\frac{4}{16}$ Іюня 1755 г., по крещеніи названа Наталіей Алексѣевной, въ 1773 году, — Павлу не было еще 20 лѣтъ — сдѣлалась женой Наслѣдника.

Въ Наталіи Алексѣевнѣ Екатерина, однако, очень ошиблась.

Наталія Алексѣевна весьма быстро раскусила шашни и ложную пустоту двора Екатерины. Она возымѣла большое вліяніе на своего мужа, остававшагося все еще слабымъ и нервнымъ ребенкомъ, окружила себя лучшими и либеральными людьми тогдашняго времени и задумала совершить переворотъ въ странѣ и разыграть роль Екатерины.

Н. и П. Панины, княгиня Дашкова, князь Рѣпнинъ и многіе изъ недовольныхъ офицеровъ и духовныхъ сановниковъ того времени постановили свергнуть Екатерину и посадить на тронъ совершеннолѣтняго Павла. Разграбленный русскій народъ находился въ возбужденномъ состояніи и Емелька Пугачевъ привлекалъ на свою сторону массы народа. Цѣль была возвратить Павлу права, самоправно отнятыя у него его матерью. Время такимъ образомъ благопріятствовало придворному возстанію. Душою послѣдняго была Наталія Алексѣевна.

Павелъ былъ посвященъ во всѣ тайны заговора, утвердилъ конституцію, выработанную Панинымъ, подкрѣпилъ ее своей подписью и даже присягнулъ на нее.

Но Павелъ оказался полнымъ ребенкомъ. Одинъ изъ заговорщиковъ сталъ измѣнникомъ, донесъ Орлову, Екатерина узнала и призвала Павла. Павелъ, въ ужасѣ и слезахъ, появился предъ лицомъ своей матери, и не только извинился, но даже выдалъ ей всѣхъ заговорщиковъ.

Съ этихъ поръ Екатерина возненавидѣла Наталію, а Павла отстранила отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ, и всякій, кто ссылался на протекцію Наслѣдника, лишалъ себя этимъ уже самымъ доступа ко двору.

Наталія Алексѣевна впрочемъ не отличалась и особымъ цѣломудріемъ. На пароходѣ „Быстрый", на которомъ она съ своей матерью и своими сестрами прибыла въ Ревель, она познакомилась съ приближеннымъ ея будущаго мужа графомъ Андреемъ Разумовскимъ. Подобно Екатеринѣ, она тутъ уже завязала съ нимъ любовныя шашни, такъ что Екатерина должна была сопротивляться дальнѣйшему сопровожденію этого молодчика ея гостей.

Послѣ бракосочетанія онъ подъ маской ближайшаго доброжелателя Павла съумѣлъ вкрасться въ полное довѣріе Наслѣдника и сдѣлаться его почти единственнымъ собесѣдникомъ въ одинокихъ минутахъ Павла — и въ то же время интимнымъ другомъ его жены. Екатерина, узнавъ объ этой связи, немедленно донесла объ этомъ Павлу. Разыгралась невѣроятная сцена ревности между мужемъ и женою. Великая княгиня заболѣла, вскорѣ показались признаки родовъ, и дѣйствительно Наталія сдѣлалась матерью, но ребенокъ былъ мертвый, и сама она умерла чрезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ. Въ народѣ увѣряли, что Екатерина была причиной столь скорой смерти Наслѣдницы . . .

Разумовскій былъ сосланъ на постоянное мѣсто жительства въ Ревель.

Екатерина для виду надѣла трауръ на нѣсколько дней, но тотчасъ же занялась новыми брачными планами — сводничество вполнѣ соотвѣтствовало ея духу.

Въ лицѣ Софіи Доротеи принцессы Виртембергской была найдена вторая жена для Павла.

Софія Доротея приняла православіе и извѣстна въ исторіи подъ именемъ Маріи Федоровны

4.

Раздражительность Павла. Его полное удаленіе отъ придворной жизни.

Нелидова.

Какъ вслѣдствіе слишкомъ ранняго половаго развитія, такъ и вслѣдствіе одиночества, въ которомъ оставляли Наслѣдника, Павелъ становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ и подозрительнымъ.

Женитьба произвела на него сильное впечатлѣніе — новые люди, новая жизнь, потребность быть болѣе самостоятельнымъ и не столь пасивнымъ нахлынули на неразвитый умъ молодого цесаревича, его сердце охватываетъ чувство какой-то таинственной неопредѣленной печали, и вотъ онъ пишетъ своему другу Андрею Разумовскому, впослѣдствіи такъ зло обманувшему его: „поймите, что боязливость и стыдливость съиздавна составляли особенность моего характера. Нынѣ же я поставилъ себѣ правиломъ быть со всѣми какъ можно сердечнѣе. Долой химеры, долой безпокойство и заботы! Насколько я смогу, я постараюсь овладѣть живостью своего характера;

ежедневно я собираю предметы, которые могли бы занять мой умъ и развить мои мысли, — многое же я почерпываю изъ книгъ . . .“

Итакъ, Павелъ самъ сознаетъ свои недостатки, но никто не поддерживалъ его въ его стремленіи исправить ихъ, а напротивъ развивали ихъ въ немъ. Окружавшій его дворъ старался раздвоить его съ его матерью, а главное сдѣлать его недовѣрчивымъ къ ея мѣрамъ. Сейчасъ послѣ его перваго бракосочетанія Екатерина удаляетъ отъ него его воспитателя, преданнаго Павлу сердцемъ и душою и либеральнаго гр. Панина и назначаетъ ему въ надзиратели за его поведеніемъ одного изъ своихъ клевретовъ, Салтыкова, — подъ видомъ совѣтника, — Павлу объясняютъ настоящее значеніе назначенія Салтыкова. Раздраженный онъ бѣжитъ какъ маленькое „дитю“ къ Екатеринѣ и жалуется ей же на ея назначеніе: она удаляетъ доносчика, но за Павломъ начинаютъ еще больше слѣдить, и вотъ разъ разыгрывается слѣдующее. Павелъ очень любилъ сосиски; за ужиномъ ему однажды подаютъ его любимое блюдо, на днѣ тарелки оказывается кусокъ стекла. Разгнѣванный онъ встаетъ со стола и съ тарелкою въ рукахъ бѣжитъ къ матери и объявляетъ, что его хотѣли отравить. Такъ какъ это случилось нѣсколько дней по открытіи заговора противъ Екатерины, то это подозрѣніе имѣло довольно справедливое основаніе, и Екатерина страшно разсердилась, не назначила никакого разслѣдованія, а, приписавъ всю эту исторію раздражительности Павла, она приказываетъ ему переселиться въ

Царское село, а его маршалу давать подробныя свѣдѣнія о его нервномъ и умственномъ состояніи.

Павелъ же всю свою жизнь былъ убѣжденъ въ томъ, что его тогда хотѣли отравить. Имѣлъ ли онъ на это основаніе? Безъ сомнѣнія . . .

Неудавшееся отравленіе, однако, возымѣло сильное вліяніе на душевное настроеніе Павла, и съ этого времени онъ начинаетъ искать уединенія и становится весьма маланхоличнымъ. Екатерина же и ея клевреты только того и ожидали, чтобы объявить его ненормальнымъ и неспособнымъ къ государственной дѣятельности . . .

Такъ какъ отъ перваго брака наслѣдника не осталось, то Екатерина стала помышлять о второмъ, не выждавъ даже похоронъ Наталіи Алексѣевны.

Ея выборъ палъ опять на нѣмецкую принцессу, на Софіи Доротеѣ Виртембергской, къ счастію это была женщина, заслуживающая только похвалы.

Весьма поучительно и характерно для исторіи дворовъ и придворныхъ нравовъ само обрученіе Павла съ Виртембергской принцессой.

Дѣло въ томъ, что означенная принцесса была уже обручена съ наслѣднымъ принцемъ Гессенъ-Дармштатскимъ. Екатерина проситъ — брата Фридриха II, Прусскаго принца Гейнриха, находившагося въ то время въ Петербургѣ, разстроить этотъ бракъ и свести принцессу съ ея сыномъ.

Принцъ Гейнрихъ беретъ на себя исполненіе этого почетнаго дѣла и посылаетъ курьера къ своему брату.

Фридрихъ призываетъ Наслѣднаго Гессенъ-Дармштатскаго Принца, — и Принцъ съ своей стороны, хотя и очень влюбленъ въ свою невѣсту, но такъ какъ онъ преклоняется предъ величіемъ Фридриха и желаетъ оказать услугу великому Фридриху, то онъ добровольно уступаетъ свою невѣсту могущественному цесаревичу. Молодая же принцесса Софія Доротея правда тоже очень влюблена въ своего жениха, но что такое любовь въ сравненіи съ предстоящими богатствами на колоссальномъ тронѣ Россіи? Кто хоть минуту задумается, когда рѣчь идетъ съ одной стороны о Россіи, и съ другой о малюсенькомъ т. наз. герцогствѣ Гессенъ-Дармштатѣ? Женихъ и невѣста разстаются лучшими друзьями — для нихъ придворная логика — единственно вѣрная логика. Фридрихъ телеграфируетъ своему брату „Все устроено“ и приглашаетъ Наслѣдника Цесаревича въ Берлинъ.

Вотъ какъ устраиваются придворныя свадьбы! Религіей, любовью, честью — всѣмъ торгуется . . .

Павелъ отправляется въ Берлинъ, гдѣ ему, конечно, его новоназначенная невѣста „очень“ понравилась, — Софія Доротея затѣмъ ѣдетъ въ Петербургъ, перекрещивается, получаетъ имя Маріи Феодоровны и въ 1776 году становится законной женой Наслѣдника Цесаревича.

Этотъ второй бракъ всякому постороннему зрителю могъ показаться весьма счастливымъ: народила Марія Федоровна своему мужу 9 дѣтей; изучающій, однако, исторію этой брачной жизни долженъ сказать, что Марія Федоровна безъ сомнѣнія была очень несчастна, ибо

умственное состояніе Павла стало съ первыхъ же дней его второй женитьбы замѣтно приходить въ упадокъ, а по восшествіи на престолъ онъ сошелъ съ ума . . .

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать нормальнымъ человѣка, который видитъ фантастическія видѣнія и признаетъ ихъ за дѣйствительность?

Вотъ что Павелъ самъ разсказываетъ въ Брюсселѣ въ 1772 г. о томъ, что онъ видѣлъ въ 70ыхъ годахъ въ Петербургѣ.

Однажды ночью онъ гулялъ съ Куракинымъ и двумя слугами на улицахъ Петербурга. Была свѣтлая лунная ночь, а онъ провелъ вечеръ въ возбужденной бесѣдѣ въ накуренной комнатѣ. Стояла свѣжая, чисто весенняя погода. Разговоръ на улицѣ не касался серьезныхъ темъ, напротивъ, гуляющіе подшучивали надъ прохожими. Предъ Павломъ шелъ слуга, за Павломъ слѣдовалъ Куракинъ. Ночь была, какъ вообще Петербургскія лунныя ночи, необыкновенно свѣтлая, такъ что можно было читать, и тѣни ясно отражалися на землѣ. И вотъ Павелъ увѣряетъ, что при поворотѣ въ боковую улицу онъ вдругъ увидѣлъ въ одномъ зданіи высокую худую фигуру въ мантіи и военной шапкѣ. Эта фигура стала около Павла и съ одной стороны стала провожать его. Павелъ ясно слышитъ шумъ отъ движенія незнакомца по тротуару съ его стороны, па которой послѣдній шелъ, онъ неожиданно почувствовалъ страшный холодъ. Изумленный Павелъ обращаетъ вниманіе Куракина на страннаго провожатаго. Куракинъ увѣряетъ, что никого не видитъ, и что физи-

чески невозможно, чтобы кто-нибудь шелъ рядомъ съ Павломъ, такъ какъ онъ идетъ у самой стѣны. Павелъ не успокаивается, а заявляетъ, что на него смотрятъ въ упоръ два необыкновенно блестящихъ глаза и притягиваютъ его, да онъ чувствуетъ уже себя какъ то даже необыкновенно странно. Ему кажется, что кровь застываетъ въ его жилахъ и онъ неожиданно слышитъ свое имя произнесенное глухимъ и печальнымъ голосомъ. Павелъ пускается въ разговоръ съ привидѣніемъ, хотя Куракинъ опять заявляетъ, что ничего не видитъ и не слышитъ. Этотъ незнакомецъ называетъ его несчастнымъ княземъ, коему не суждено долго прожить. Онъ ему совѣтуетъ жить по закону справедливости, и тогда онъ спокойно умретъ. Бояться слѣдуетъ лишь упрековъ совѣсти, для благороднаго сердца нѣтъ большаго наказанія. Павелъ чувствуетъ себя настолько привлеченнымъ, что слѣдуетъ безъ оглядки за незнакомцемъ. Больше часа онъ шагалъ подъ чужимъ вліяніемъ и наконецъ онъ выходитъ на площадь предъ памятникомъ Петра Великаго. Здѣсь онъ останавливается и слышитъ, какъ незнакомецъ говоритъ: Прощай, Павелъ, ты меня еще узришь, здѣсь и еще въ другихъ мѣстахъ.

Павелъ всматривается въ незнакомца и узнаетъ въ немъ черты Петра Великаго. Когда онъ испуганный и изумленный пришелъ въ себя, незнакомца уже не было . . .

Такія галлюцинаціи повторялись — Павелъ искалъ одиночества и все болѣе сталъ чуждаться двора и увеселеній, Екатерина приказывала слѣдить за нимъ и доносить

о его состояніи, онъ производитъ дѣтей на свѣтъ Божій и мечтаетъ въ своемъ уединеніи о величіи, которое ему предстоитъ по вступленіи на престолъ, въ свѣтлыя минуты разрабатываетъ разныя законодательныя мѣры и проекты. — Екатерина однако жила и даже серьезно подумывала объ устраненіи его отъ управленія государствомъ вообще и о назначеніи его старшаго сына Александра на тронъ Романовыхъ, но она умерла до выполненія этого проекта, и 5/17 Ноября 1796, т. е. 42 лѣтъ отъ роду Павелъ вступилъ наконецъ на царскій престолъ и установилъ свой новый родъ — родъ Павловичей.

Тихая семейная жизнь Павла, отсутствіе особыхъ друзей и фаворитокъ очень не нравились тогдашнему распущенному двору. Какъ, тотъ самый Павелъ, котораго съ семи лѣтъ уже стали развращать, ведетъ вдругъ образцовую семейную жизнь? Да это ни на что не похоже. Кромѣ того, что за дѣтей народила Марія Федоровна — дѣвочки, и опять дѣвочки. Что съ ними дѣлать? онѣ вводятъ лишь въ расходы. Екатерина даже неохотно принимала поздравленія, и когда по случаю рожденія Ольги Павловны стрѣляли изъ пушекъ, Екатерина иронически заявила: faut-il faire tant de bruit pour une fichue demoiselle!

Вотъ каково было настроеніе! Необходимо было отвлечь вниманіе Павла отъ его жены, расторгнуть ихъ супружескую любовь. Начались интриги. Съ вѣдома Екатерины, на нѣкоего барона К. Сакена выпала задача посѣять въ душѣ Павла недовѣріе къ совѣтамъ его жены.

Онъ сталъ увѣрять Павла, что Марія находится подъ вліяніемъ ея фрейлинъ г-жъ Бенкендорфъ и Лафермiеръ, и онъ такимъ образомъ, слѣдуя повидимому совѣтамъ своей жены, дѣлаетъ лишь то, что желаютъ фрейлины послѣдней. Можно себѣ представить, что произошло въ душѣ болѣзненно самолюбиваго и пылкаго самодура Павла. Онъ начинаетъ пренебрегать своей женой и дѣлаетъ все то, чего она не желаетъ. Первый шагъ къ худшему былъ сдѣланъ. Не доставало фаворитки, чтобы окончательно устранить вліяніе чистой Маріи Федоровны.

У Павла былъ любимый лакей — именемъ Кутайсовъ, изъ Турокъ. Этого Кутайсова подкупили, онъ сдѣлался сводникомъ, и нашъ Павелъ избираетъ себѣ любовницу въ лицѣ нѣкоей Нелидовой, фрейлины Императрицы Екатерины. Однимъ словомъ успѣхъ оказался вполнѣ на сторонѣ Екатерины и ея союзниковъ, и когда Марія Федоровна стала жаловаться своей тещѣ на невѣрность своего мужа, Екатерина со свойственнымъ ей цинизмомъ ведетъ ее къ зеркалу и говоритъ ей: „Посмотри, какая ты красавица — твоя же соперница petit monstre. Не печалься и довѣряй своимъ прелестямъ!“ . . .

Сколько злой ироніи и торжества вслѣдствіе одержанной побѣды лежитъ въ этихъ словахъ!

Марія Федоровна поняла ихъ настоящее значеніе и она, слѣдуя обычаямъ и нравамъ того времени, искала сближенія съ фавориткой своего мужа и возвратила себѣ свое прежнее вліяніе. Ученица оказалась умнѣе своихъ учителей — вліяніе Маріи Федоровны чрезъ Нелидову

было еще сильнѣе прежняго и поэтому тѣ же люди, которые свели Нелидову съ Павломъ, стали стараться объ ея устраненіи . . .

Павелъ I во многомъ походилъ на одного изъ своихъ отцовъ, на Петра III. Онъ былъ такъ же своенравенъ, пылокъ и дурковатъ какъ Петръ, одинаково любилъ Пруссію и милитаризмъ, и, главное, въ выборѣ своей любовницы онъ вполнѣ напомнилъ его.

Любовница Петра III была толстая некрасивая глупая баба, любовница Павла была въ полномъ смыслѣ слова рожа, и Павелъ въ первые дни знакомства съ ней ненавидѣлъ ее и считалъ злой. Но Нелидова была не глупая женщина, — этимъ она отличается отъ Воронцовой — она сначала подобно другимъ указывала на вредность совѣтовъ его жены, ругала Екатерину и ея фаворитовъ, чѣмъ она вскорѣ пріобрѣла неимовѣрное вліяніе на Павла. впослѣдствіи же, зная непостоянство фаворитства, она заключила тайный договоръ съ его женой, чтобы не столь скоро потерять свое мѣсто . . .

5.

Царствованіе Павла. Иванъ Кутайсовъ.

Лопухина.

Когда Павелъ вступилъ на престолъ, ему пошелъ уже 43ій годъ. Еще наслѣдникомъ, „изнемогая отъ досады въ ожиданіи престола“, онъ порицалъ всѣ дѣйствія Екатерины и грозилъ со временемъ „высѣчь фаворитовъ“. Послѣднія 20 лѣтъ представляли глухую борьбу между пышнымъ, любившимъ увеселенія развратнымъ старымъ дворомъ и скромнымъ молодымъ дворомъ, т. е. борьбу между Петербургомъ и Гатчиною. Это была темная драма, окончившаяся полнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей Цесаревича . . . Этотъ великій князь съ задатками добраго и рыцарскаго человѣка, впечатлительный и находчивый, превратился по вошествіи на престолъ въ рѣзкаго раздражительнаго хилого человѣка, отъ неуклюжей фигуры коего вѣяло чѣмъ то болѣзненнымъ и недобрымъ; лицо его было блѣдно, нѣкогда рыцарскія манеры его стали странными, а взглядъ его ничего не выражалъ, сталъ оловянный.

Чувствуя себя еще наслѣдникомъ постоянно подъ надзоромъ екатерининскихъ шпионовъ, онъ сталъ странно подозрительнымъ, а отъ крайней раздражительности весьма привередливымъ. Европейскіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ говорили объ „изумительной и противурѣчивой дѣятельности при дворѣ". И Павелъ былъ на нихъ „мстительный тиранъ азіатскій деспотъ съ совсѣмъ необычайнымъ состояніемъ ума и съ характерными странностями".

Неожиданная свобода и право самостоятельнаго дѣйствія лишили его сознанія его дѣйствій, и его приказанія носили характеръ страшнаго непостоянства: то, что онъ только-что приказалъ, онъ чрезъ часъ отмѣнялъ, и въ Парижѣ хранится сатирическая гравюра съ портретомъ Павла, дающаго Суворову приказы, на которыхъ написано: „Ordre-Contre ordre-Désordre". Эта гравюра лучше всего характеризуетъ все правленіе умственно несостоятельнаго Павла.

Первый годъ его царствованія, правда, отличался еще довольно разумными мѣрами и особеннаго вниманія заслуживаетъ его „Учрежденіе объ Императорской фамиліи", коимъ онъ упрочилъ свою династію на весьма долгое время впередъ. Онъ точно также оказался великодушнымъ по отношенію къ иновѣрцамъ, остзейскому краю, онъ возвратилъ ему его привилегіи и въ Дерптѣ основалъ университетъ.

Но всѣ эти мѣры были плодомъ случайныхъ впечатлѣній или внушеній людей даровитыхъ, которыхъ онъ допускалъ еще къ себѣ въ первый годъ.

Вскорѣ однако все это стало мѣняться. Онъ сталъ бояться всякаго внушенія и оберегалъ свою власть и главное свою волю совершенно деспотически. Особенное опасеніе внушала ему его собственная жена и всякаго, съ кѣмъ она любезно заговаривала, онъ немилосердно прогонялъ со службы.

Такъ напр. вотъ что разъ случилось съ гр. Вельгорскимъ. Графъ состоялъ гофмаршаломъ Императрицы и конечно долженъ былъ по долгу и по чести бесѣдовать съ ней. На одномъ придворномъ праздникѣ онъ по обыкновенію подошелъ къ Маріи Федоровнѣ.

Съ раздраженіемъ Павелъ замѣчаетъ своему старшему сыну Александру:

„Посмотри, этотъ опять ей навѣрное докладываетъ разныя глупости!"

Великій князь подаетъ знакъ Вельгорскому, В. удаляется отъ монархини и подходитъ къ одному изъ столовъ, за которымъ играли въ карты. Разгнѣванный Павелъ говоритъ своему сыну:

„Теперь онъ приблизился къ намъ, чтобы насъ подслушать. Это вѣдь дерзость."

И онъ призываетъ Вельгорскаго къ себѣ и спрашиваетъ его! „Знаете ли Вы уже, графъ, что Нарышкинъ назначенъ гофмаршаломъ Императрицы?"

А въ другой разъ въ Павловскѣ онъ положительно изъ-за пустяка, изъ-за вопроса о погодѣ прогоняетъ гр. Строганова, „считавшагося самымъ осторожнымъ и находчивымъ человѣкомъ при тогдашнемъ дворѣ".

Павлу захотѣлось прогуляться, но Марія Федоровна замѣчаетъ, что дождь пойдетъ и что поэтому лучше остаться во дворцѣ.

Павелъ спрашиваетъ Строганова, какого онъ мнѣнія о погодѣ. Гр. Строгановъ со свойственной ему осторожностью выходитъ на дворъ и возвратившись заявляетъ, что небо покрыто облаками и что поэтому по всей вѣроятности можно разсчитывать на то, что дождь пойдетъ.

Гнѣву Павла не было предѣловъ.

„Ага!“ воскликнулъ онъ. „И вы только потому одного мнѣнія съ Императрицей, чтобы меня разстроить. Но мнѣ надоѣло переносить подобную фальшь. Я вижу, графъ, что мы не подходимъ болѣе другъ къ другу. Вы меня никогда не хотите понимать. Впрочемъ, у Васъ безъ сомнѣнія есть дѣла въ Петербургѣ, — я совѣтую Вамъ немедленно поѣхать туда. Я надѣюсь, что Вы на этотъ разъ меня поняли: Строгановъ глубоко поклонился — и отказался впредь служить подъ управленіемъ сумашедшаго монарха.

Что же касается управленія государственными дѣлами, то оно все ушло въ мелочи. Самыми важными государственными вопросами являлись для него вопросы о формѣ шляпъ, гренадерскихъ шапокъ, о цвѣтѣ перьевъ, о сапогахъ, кокардахъ, формахъ вообще и т. под. пустякахъ. Высокопоставленные сановники, заслуженные генералы немилосердно лишались всѣхъ своихъ званій, орденовъ и почестей, если показывались предъ нимъ не въ предписанной имъ формѣ. Даже иностранцевъ не миновала эта судьба.

Такъ прусскій посланникъ Тауенцинъ осмѣлился явиться на придворномъ балѣ въ формѣ не понравившейся Павлу, и долженъ былъ немедленно выѣхать изъ Петербурга.

Указами запрещалось народу носить круглыя шапки, и полиція ихъ срывала съ головы всякаго прохожаго, или же приказывалось запрягать лошадей только по иностранному — и кто выѣзжалъ въ русской упряжи, того полиція останавливала и перерѣзывала возжи.

И эти всѣ указы чрезъ день или два опять отмѣнялись и приказывалось что-нибудь новое, опять столь же несообразное.

Однимъ словомъ, никто не находился въ безопасности; всякій чувствовалъ, что ежеминутно безъ всякаго основанія и надъ нимъ можетъ разразиться гроза. Даже его любимецъ Кутайсовъ, о которомъ рѣчь впереди, долженъ былъ перетерпѣть всю невзгоду сумашедшаго Павла.

По случаю коронаціи Павла, Кутайсовъ сталъ просить себѣ ордена Анны 2ой степени. Павелъ до того разсердился на своего слугу за то, что тотъ позволилъ себѣ по его мнѣнію предписывать ему раздачу орденовъ, что онъ отколотилъ отчаянно своего каммердинера и прогналъ его. Только усиленнымъ просьбамъ Нелидовой и Маріи Федоровны удалось умиротворить разгнѣваннаго Павла.

И наконецъ въ выборѣ своихъ фаворитовъ Павелъ показалъ себя вполнѣ ненормальнымъ. Всего у него былъ

одинъ фаворитъ, но и этотъ одинъ вполнѣ достоинъ царя, поднявшаго его на самыя высшія ступени государственнаго строя.

Этотъ фаворитъ былъ его каммердинеръ и брадобрѣй изъ плѣнныхъ турченковъ, получившій по крещеніи въ православную вѣру имя Ивана Павловича Кутайсова.

Кутайсовъ былъ въ 1770 г. мальчишкою взятъ въ плѣнъ отъ турокъ и, какъ особенная рѣдкость, подаренъ Великому князю Павлу, тогда еще тоже очень молодому человѣку. Павелъ сдѣлалъ его своимъ оффиціантомъ, полюбилъ его настолько, что сталъ ему довѣряться, но до восшествія наслѣдника на престолъ, Кутайсовъ не игралъ никакой роли. — Екатерина и ея клевреты отчасти виновны въ возвышеніи этого татарченка. Какъ уже выше было упомянуто, онъ былъ сводникомъ въ связи Павла съ Нелидовой.

Когда Павелъ сталъ самостоятельнымъ самодержцемъ всея Россіи, онъ открыто сдѣлалъ его въ благодарность за сводническое дѣло своимъ фаворитомъ, давъ ему приказъ ни съ кѣмъ изъ постороннихъ людей не говорить и не болтать о его частной жизни. Кутайсовъ быстро пошелъ въ ходъ. Его сдѣлали егермейстеромъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта, грудь его украшали всевозможные ордена, какъ русскіе такъ и иностранные, но внутренняго содержанія онъ все-таки не получилъ: онъ остался тѣмъ же пустымъ малымъ и сводникомъ.

Значеніе его при дворѣ, однако, превзошло всѣ предѣлы. Онъ одинъ умѣлъ управлять монархомъ, онъ зналъ всѣ его минутныя вспышки, онъ умѣлъ ихъ разгорячать и пріостанавливать, смотря по тому, какъ это ему надо было. Павелъ не могъ жить безъ него и не дѣлалъ ни одного шага, не посовѣтовавшись заранѣе съ своимъ бывшимъ лакеемъ. Кутайсовъ управлялъ имперіей, и такіе люди какъ Безбородко и Паленъ ухаживали за нимъ и поклонялись ему.

Но все-таки ему этой власти было мало. Онъ чувствовалъ, что въ лицѣ Нелидовой и Маріи Федоровны ему можетъ быть положенъ противовѣсъ, онъ опасается ихъ вліянія въ особенности потому, что онѣ въ дружбѣ съ его противниками, братьями Куракиными. Безбородко, которому онъ особенно довѣрился, подстрекаетъ его устранить Нелидову и свести монарха съ новой болѣе молодой и красивой любовницей. Любовницу они нашли.

Это была шестнадцатилѣтняя дѣвочка нѣкая Лопухина, необыкновенно красивая и въ дѣлахъ любви не безъопытная дѣвица, несмотря на ея молодые годы. Отецъ этой дѣвочки по обычаямъ того времени продалъ свою дочь этимъ мерзавцамъ за предстоящія почести и вліяніе. — Лопухины жили въ Москвѣ.

Подъ маловажнымъ предлогомъ устраиваютъ поѣздку Царя въ Москву. Ему здѣсь устраивается великолѣпный пріемъ. Павелъ очарованъ и высказываетъ свою особенную признательность Кутайсову.

„Да, мнѣ кажется“, заключаетъ онъ въ восторгѣ, что народъ въ Москвѣ меня гораздо болѣе любитъ, чѣмъ Петербургскіе жители.

Хитрый Кутайсовъ подхватываетъ эту мысль и заявляетъ, что въ Петербургѣ потому его боятся, что все дурное приписываютъ его женѣ, а всѣ награды ему лично.

„Такъ я, значитъ, нахожусь подъ властію этихъ женщинъ?!“ воскликнулъ гнѣвно Павелъ: „такъ я имъ покажу, каково ихъ вліяніе!“ . . .

Слуга хорошо зналъ повелителя: дѣло устроено, теперь онъ открыто пойдетъ за всякой женщиной, которую ему покажутъ, и отношенія Павла къ его женѣ и любовницѣ отравлены ядомъ подозрѣнія . . .

Вечеромъ того же дня былъ данъ придворный балъ. Здѣсь ему представлена Анна Петровна Лопухина. Наивная и кокетливая красавица произвела на Павла подобающее впечатлѣніе — сенаторъ Лопухинъ переселяется съ дочерью въ Петербургъ.

Вскорѣ приверженцы Нелидовой и Императрицы почувствовали перемѣну положенія дѣлъ. Вицеканцлеръ, князь Куракинъ, отъ слишкомъ нѣжнаго обращенія съ нимъ Павла слегъ въ постель, Нелидовой онъ приказалъ оставить дворецъ, а жену свою, которая написала Лопухиной грубое письмо, онъ тоже отколотилъ и приказалъ ея смежную съ его покоями спальню забить наглухо и задрапировать.

Анна Лопухина оказалась вполнѣ достойной своего званія: въ первыя же ночи она довольно цинично стала просить Павла возвести ея отца въ графское достоинство.

„Почему?“

„А потому, что какъ-то не подходитъ любовницѣ столь могущественнаго монарха быть простой дворянкой.“

„Ты права,“ замѣтилъ Павелъ. „Итакъ, ты хочешь быть графиней? Отнынѣ, ты княжна!“

На слѣдующій день былъ изданъ указъ о возведеніи Сенатора Петра Лопухина въ княжеское достоинство — за услуги, оказанныя отечеству.

6.

Убійство Павла.

Павелъ былъ мастеръ въ навлеченіи себѣ ярыхъ враговъ. Во всѣхъ его мѣрахъ было одно единство: сдѣлать себя какъ можно ненавистнѣе для народа. Онъ былъ бичемъ своей семьи, своего двора, своего народа. Онъ велъ страну къ полному разстройству ея силъ, въ его капризы и припадочныя наитія являлись закономъ, онъ не взвѣшивалъ ни за, ни противъ, а все, что ему взбредило въ голову, немедленно приводилось въ исполненіе. При дворѣ кипѣла какая-то неимовѣрная суетливая дѣятельность, говоритъ Трачевскій, Павелъ назначилъ пріемы съ 5 ч. утра. Онъ писалъ и отмѣнялъ указы, распекалъ и ревизовалъ, ѣздилъ по городу, но больше всего занимался экзерциціями и плацъ-парадами по прусски, при чемъ вездѣ первенствовали „Гатчинцы", какъ называла Екатерина II отрядъ войскъ, данный ему для потѣхи, когда онъ былъ наслѣдникомъ.

Всюду Павелъ былъ окруженъ людьми, желавшими его смерти и чувствовавшими, что Россіей управляетъ умопомѣшанный. Войны одна за другой объявлялись, и исто-

щенная Россія находилась въ страшномъ . . . Семья Павла страдала, его старшій сынъ уже началъ колебаться, подъ вліяніемъ совѣтовъ настоящихъ патріотовъ. Русская интеллигенція чувствовала себя страшно угнетенной, авторитетъ власти давилъ всякаго болѣе или менѣе образованнаго человѣка и нарушалъ спокойствіе семействъ даже въ будничной жизни.

Пять лѣтъ правленія Павла сдѣлали Россію хронически нервной, состояніе сдѣлалось невыносимымъ и влекло неминуемо къ катастрофѣ.

И вотъ, лучшіе люди своего времени сговорились приступить къ заговору и заставить Павла отречься отъ престола въ пользу его сына Александра.

До чего Павелъ былъ всѣми безъ исключенія презираемъ видно изъ того, что заговорщики открыли свой замыселъ его родному сыну и попросили его согласія . . .

Полгода уговаривали заговорщики Александра — наконецъ они получили его согласіе, и такъ какъ при подозрительности Павла колебаніе могло сдѣлаться опаснымъ для самихъ заговорщиковъ, то было рѣшено приступить какъ можно скорѣе къ дѣлу, и ночь на 25 Марта 1801 г. была назначена для нанесенія роковаго удара. —

Главными двигателями заговора были Паленъ и три брата гр. Зубовы. Въ лучшихъ рукахъ заговоръ не могъ быть. Гр. Зубовы руководились личной ненавистью къ Павлу, Валеріанъ Зубовъ чувствовалъ себя особенно задѣтымъ монархомъ, а именно: когда Екатерина скончалась, русскія войска подъ начальствомъ В. Зубова

находились въ Пруссіи. Вступивъ на престолъ, Павелъ далъ приказъ войскамъ вернуться на родину, такъ какъ находилъ эту войну излишней, — но не извѣстилъ о своемъ приказѣ — главноначальствующаго Зубова. Этого оскорбленія Зубовъ не могъ забыть — и оно является однимъ изъ главныхъ мотивовъ его столь ревностнаго участія въ заговорѣ.

Платона Зубова же Павелъ въ своей пылкости обвинилъ въ растратѣ государственныхъ денегъ изъ военныхъ суммъ — и этого тоже было достаточно, чтобы породить неизгладимую ненависть въ душѣ заговорщика. Третьяго, Николая Зубова, Павелъ тоже не миловалъ, и онъ присоединился къ заговору, въ силу ненависти своихъ братьевъ къ Павлу.

Наконецъ, Паленъ былъ изворотливый, холодный, рѣшительный и вѣроломный Лифляндецъ, хитростью вкравшійся въ довѣріе къ Павлу, который возвелъ его въ графское достоинство, сдѣлалъ Петербургскимъ губернаторомъ и главой почтамта.

До чего велика должна была быть въ народѣ ненависть къ Павлу, до чего Россія должна была чувствовать себя истощенной, если подобныя лица могли получить согласіе добродушнаго Александра на переворотъ и привлечь на свою сторону всю армію и лучшихъ людей своего времени! —

24 Марта, ночью, офицеры, начиная поручикомъ и кончая генераломъ, собрались на квартирѣ у Зубовыхъ. За ужиномъ одинъ изъ Зубовыхъ раскрылъ планъ и цѣль

сходки, и вмѣстѣ съ Паленомъ объявилъ, что В. К. Александръ покровительствуетъ заговорщикамъ. — Это послѣднее обстоятельство рѣшило дѣло заговора . . .

Шампанское текло ручьями, возбужденные и разгоряченные заговорщики ровно въ полночь отправились двумя партіями, — одна подъ командой Зубовыхъ и генерала Бенингсена, другая подъ командою Палена — всего 120 человѣкъ — рѣшать судьбу царя. Цѣль была устранить монарха отъ дѣлъ, Зубовы шли на явное убійство . . .

Во дворцѣ между тѣмъ Павелъ и всѣ прочіе члены семьи улеглись спать, лишь Александръ не могъ сомкнуть глазъ: онъ былъ преисполненъ грусти и тревоги, и не могъ не скрыть отъ себя той опасности, которая угрожала всей семьѣ, если бы планъ почему либо не удался . . .

Главный же довѣренный и оберегатель личности Павла, Кутайсовъ, кутилъ въ эту ночь, и хотя за ужиномъ съ его любовницами подали доносъ съ полными именами заговорщиковъ, онъ по обыкновенію сказалъ: „дѣла завтра поспѣютъ“, спряталъ письма въ карманъ и ни на минуту не отвлекся отъ своихъ развлеченій . . .

Незадолго предъ своей смертью подозрительный Павелъ построилъ себѣ съ безумной расточительностью Михайловскій дворецъ у Лѣтняго Сада, опоясанный глубокими рвами съ водой, и замыкался въ немъ, окруженный наперсниками, въ надеждѣ скрыться такимъ образомъ отъ рукъ убійцъ. Онъ поселился въ немъ, даже не пережадавъ времени, пока онъ не высохнетъ, — Марія Федоровна

и дѣти заболѣли отъ сырости, для него этотъ новый дворецъ сталъ его могилой.

При помощи хорошихъ провожатыхъ первая партія пробралась съ потайными фонарями до самаго входа въ туалетную комнату Императора. Дежурный молодой лакей сталъ призывать на помощь, его прикончили и убрали съ дороги. Убійствомъ началось дѣло переворота . . .

Но крикъ разбудилъ Павла, онъ сознаетъ, что что-то неладно и трусливо выскакиваетъ съ постели, хочетъ пробраться къ своей женѣ, — но входы по его же приказанію забиты на глухо; — совершенно раздѣтый онъ прячется подъ занавѣсами.

Заговорщики, сначала ошеломленные неожиданнымъ препятствіемъ въ лицѣ слуги, останавливаются на минуту, но потомъ сообразивъ, что идти назадъ для нихъ равносильно смерти, пробираются къ постели монарха. Не видя его здѣсь, они смущенно отступаютъ назадъ, начинаютъ его искать въ комнатѣ со свѣчами въ рукахъ и находятъ его безчувственно дрожащимъ за складками портьеры.

Павелъ оказался совершеннѣйшимъ трусомъ: ему суждено было такъ же безславно умереть, какъ онъ безславно царствовалъ.

Шпаги обнажаются, Павла усаживаютъ на стулъ, прочитываютъ ему заранѣе приготовленное отреченіе отъ

престола, суютъ ему перо въ руку, ведутъ имъ по бумагѣ и царя Павла не стало — Генералъ Бенингсенъ, одинъ изъ главныхъ заговорщиковъ, беретъ подписанную бумагу и удаляется.

Теперь настаетъ ужасная минута. Зубовы въ дѣлѣ отреченія не приняли никакого участія; это они предоставили другимъ. Лишенный трона, Павелъ для нихъ былъ тираномъ, чудовищемъ, личнымъ врагомъ — Николай Зубовъ первый бросается на государя, ругая его самыми площадными выраженіями. Два другихъ брата присоединяются, и вотъ начинается ожесточенная борьба. Сначала они его бьютъ, какъ Павелъ билъ своихъ министровъ и свою жену; затѣмъ они набрасываютъ на него офицерскій шарфъ и начинаютъ его душить. Въ минуту крайней опасности и близости смерти, Павелъ собираетъ всѣ свои послѣднія силы: ему удается просунуть руку между шарфомъ и шеей и онъ кричитъ: „воздуху, воздуху!“ Но убійцы разъярены, они жаждутъ крови, Павлу отрубаютъ руку и начинаютъ стягивать шарфъ съ обоихъ концовъ. — Безобразная сцена, имѣющая едва ли себѣ подобной въ исторіи царствующихъ домовъ всего міра! —

Павла не стало. Раскраснѣвшійся Николай Зубовъ имѣетъ еще дерзость лично явиться къ Александру съ докладомъ о совершившемся дѣлѣ.

Въ намѣреніяхъ Александра не было и помину объ убійствѣ. Потрясенный и ужасенный онъ падаетъ на земь . . .

Его восшествіе на престолъ совершилось необычайно тихо и скромно. Россія же обогатилась случаемъ, удалившимъ ее отъ Европы и приблизившимъ ее къ старымъ татарскимъ ордамъ . . .

